

ГНОСТИЦИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО РЕАЛИЗМА: РАННИЙ ДОСТОЕВСКИЙ¹

Т.Г. МАГАРИЛ-ИЛЬЯЕВА

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Аннотация: Цель настоящей работы – выявить и проанализировать гностические мотивы в ранней прозе Ф.М. Достоевского. В статье предлагается рассматривать гностицизм в двух аспектах: как доктрину и как особый способ мировосприятия, так как в ходе исследования мы будем обращаться и к определению некоторых ощущений и чувств, свойственных гностицизму, и к конкретным структурам, описывающим мироустройство в гностическом мифе. Особый акцент в работе делается на ощущении расколотости и раздробленности как центральном нерве гностицизма. Подробно рассматривается тема отчужденности героев как следствие раскола. Также в работе исследуются такие важные гностические мотивы, как пленение души в оковы плоти, жизнь в матери как сон, страсть как нарушение целостности, пробуждение ото сна как возвращение к истинной природе. В статье анализируется путь молодого Достоевского, начиная с написанного им в 1838 году письма брату, в котором он констатирует свое душевное состояние как крайне подавленное, проникнутое гностическим пессимизмом, и до создания произведения «Маленький герой», ознаменовавшего собой открытие пути к восстановлению божественного потенциала, заложенного в человеке.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, раннее творчество, гностические мотивы, раскол, сон, истинная природа.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432). В основу работы положен доклад, прочитанный на научном семинаре в рамках проекта «Русская литература и философия: пути взаимодействия». См.: *Магарил-Ильяева Т.Г.* Гностицизм в литературе русского реализма: ранний Достоевский, URL: <http://www.lit-phil.ru/events>.

The research was carried out in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS at the expense of Russian science foundation grant (RSF, project № 17–18–01432). The article is based on a talk the author gave at an academic seminar that was part of the project «Russian literature and philosophy: ways of interaction». See: *Magaril-Ilyayeva T.G.* Gnosticism in russian realistic literature: early Dostoevsky, URL: <http://www.lit-phil.ru/events>.

**GNOSTICISM IN RUSSIAN REALISTIC LITERATURE:
EARLY DOSTOEVSKY****T.G. Magaril-Ilyeva***A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS*

Summary: The scope of the present article is to establish and analyze the gnostic motives in Dostoevsky's early prose. The author proposes to consider the gnosticism in two directions: as a doctrine and as a special way of world perception. In her research the author will turn both to the definitions of feelings and emotions, that are peculiar to gnosticism, and to specific structures, that describe the world order in gnostic mythology. A special attention is paid to the feeling of split or break as a central nerve of gnosticism, as well as to the theme of alienation of heroes as the consequence of the split. Another direction of the article takes into account such important gnostic motives as a capture of the soul in the fetters of the flesh, a life inside mother as a dream, passion as a break of unity, awakening as a return to the true nature. The way of young F.M. Dostoevsky is analyzed starting from the letter he wrote in 1838 to his brother where he describes his inner mood as very depressed, full of gnostic pessimism and finishing with the «Young hero» text, created as a sign of a new way to the reestablishing of the divine potential in a human being.

Key words: Dostoevsky, early works by F.M. Dostoevsky, gnostic motives, split, dream, true nature.

Гностические мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского не раз становились предметом интереса литературоведов, таких как Т.А. Касаткина², Б.Н. Тихомиров³, и др. Более того, современные исследователи гностицизма, например, И.Г. Яковенко⁴, в свою очередь, нередко ссылаются на произведения Федора Михайловича в качестве примеров явления гностической философии в литературе. Зачастую эти отсылки базируются на недостаточно глубоком и обширном анализе текстов, но, как общая тенденция, показательны. Прежде чем обратиться непосредственно к анализу ранней прозы Достоевского, скажем несколько слов о самом гностицизме, постараемся выделить его ключевые аспекты, а также обрисовать исторический контекст, провоцирующий актуализацию гностического мировосприятия.

² Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 385–411.

³ Тихомиров Б.Н. Христос и истина в Поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» // Достоевский и мировая культура. Вып. 13. СПб., 1999. С. 147–177.

⁴ Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь. 2010. – 320 с.

Нередко исследователи, среди которых и Стефан Хеллер⁵, выделяют в понятии гностицизма как бы два компонента: первый – совокупность сект с их учениями и практиками, существовавших в первые века нашей эры, второй – способ мировосприятия, возникающий в определенных исторических обстоятельствах. Таким образом, мы можем говорить о гнозисе как об особом, скорее пессимистическом, настроении, присущем той или иной эпохе или обществу, и как о конкретной тайной доктрине, включающей в себя специальные учения и практики. Мы считаем необходимым указать на такое разделение, так как в ходе нашего исследования мы будем обращаться и к определению некоторых ощущений и чувств, свойственных гностицизму, и к конкретным структурам, описывающим мироустройство в гностическом мифе.

Один из центральных концептов гностического мифа состоит в том, что человек не целостное существо, но представляет собой соединение божественной части и материи, причем божественная компонента заключена в материю, то есть в тело, как в тюрьму. Таким образом, две эти части не однородны, а противостоят друг другу. Если этот концепт вывести из сферы мифа и перевести в область самоощущения, то это будет ощущение раскола, как внутреннего, так и внешнего, так как без внутренней целостности нельзя обрести внешнюю. Вот как об этом пишет Т.А. Касаткина: «Гностицизм – учение, не признающее целостности человека <...> своего рода расчлененка мироздания, до конца последовательный раскол»⁶. Так как в гностицизме наш мир по определению противостоит истинно божественному миру и испорчен в своей сути, то человек, чувствующий духовную искру внутри себя, понимает, что раскрыться в своей полноте в этом мире она не может. Таким образом, идеал для этой жизни всегда оказывается недостижим.

Подобные настроения периодически возникали в обществах в течение истории человечества. Провоцируют их социальные кризисы, глобальные смены эпох. Современный культуролог и философ И.Г. Яковенко характеризует периоды обострения гностического сознания следующим образом: «В эпохи больших кризисов гностицизм переживает короткий и бурный расцвет, который определяется двумя обстоятельствами. Первым из них является крах предшествующей парадигматики, а значит – новый виток идейной конкуренции “на равных”, когда господствовавшие

⁵ Хеллер С. Гностицизм. М.: Касталия., 2013. – 274 с.

⁶ Касаткина Т.А. Указ. соч. С. 410.

прежде доктрины утрачивают моральный кредит и институциональную поддержку (попросту говоря, носители вчерашних верований утрачивают возможность использования “аргумента к городовому”). Вторым выступает породившее гностицизм осознание трагического несовершенства мира, которое надо увязать с идеей Абсолюта»⁷.

Описанная им схема легко реконструируется в событиях рубежа эр (времени возникновения и наиболее яркого проявления гнозиса), когда господствующая несколько веков эллинистическая культура изживает себя и на первый план выходит ранее подавляемый «Восток», который и приносит волну гностицизма. Подробную справку исторических предпосылок формирования гностицизма приводит в своей книге «Гностическая религия» немецкий философ Ганс Йонас⁸. Схожим образом об этом историческом периоде писал русский историк В.В. Болотов: «Со времени появления христианства наступает поворот философской мысли. По мере того как чисто философская мысль слабела и теряла свое обаяние над умами, все сильнее развивалась потребность в других положительных опорах для знания; их стали искать в религиозных представлениях собственных и теософии Востока – колыбели человечества»⁹.

Обратим теперь свое внимание на эпоху, предшествующую началу творческого пути Достоевского, – эпоху романтизма. Деятели именно этого периода оказали сильнейшее влияние на формирование воззрений молодого Федора Михайловича. Выделенный нами основной нерв гностического сознания, а именно ощущение раскола и невозможности достижения полноты бытия в нашем мире, отчетливо опознается в настроениях той эпохи. Предтечей же этого периода, толчком для формирования его философии стал мощный кризис, перевернувший устои всей Европы – французская революция. Сработала схема, описанная выше Яковенко, где старая «парадигма» сменяется новой. А неосуществленные надежды, связывавшиеся с революцией, повлекли за собой ощущение невозможности воплощения идеала в мире. Вот как об этом пишет

⁷ Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 39.

⁸ Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). Jonas H. The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity: Boston: Beacon Press, 1958. СПб.: Лань, 1998. Терминологическая правка В. Данченко. К.: PSYLIB, 2007. Режим доступа <http://psylib.org.ua/books/jonas01/index.htm>.

⁹ Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви I–II. Введение в церковную историю. История Церкви в период до Константина Великого. 2-е изд. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. С. 341.

выдающийся русский филолог-германист А.В. Михайлов: «Романтизм был реакцией на события французской революции, реакцией острой, однако замедленной и в своем выражении опосредованной. Романтизм немислим без энтузиазма, вызванного революцией в сознании передовых, наиболее открытых новому слою немецкого общества, без возвышенных исторических перспектив, которые открывала сама идея революции в тот момент, когда она начала осуществляться. Этот энтузиазм жил в немецких умах – как зажженный свет, который уже не потушить. Однако романтизм в Германии сложился уже тогда, когда французская революция прошла круг своего самоисчерпания, когда в самой действительности не осталось ни одной светлой идеи, надежды, разбуженной революцией, которая не была бы попорана, раздавлена, извращена реальным ходом дел»¹⁰.

А вот как описывает тот же период живший тогда поэт и мыслитель Ф. Шиллер: «Здание естественного государства колеблется, его прогнивший фундамент оседает, и, кажется, явилась физическая возможность возвести закон на трон, уважать, наконец, человека как самоцель и сделать истинную свободу основой политического союза. Тщетная надежда! Недостает моральной возможности, и благоприятный миг встречает невосприимчивое поколение <...> В низших и более многочисленных классах мы встречаемся с грубыми и беззаконными инстинктами <...> С другой стороны, цивилизованные классы представляют нам еще более отвратительное зрелище расслабления и порчи характера, которые возмутительны тем более, что источником их является сама культура»¹¹. Казалось, что перемена в сторону благополучия близка и возможна, но на поверку мир оказался столь прогнившим, что ничто не смогло его переменить. Идеал оказался не достижим. Вследствие этого возникает ощущение расколотости и разобщенности, которое также фиксирует Шиллер: «Теперь оказались разобщенными государство и церковь, законы и нравы; наслаждение отделилось от работы, средство от цели, усилие от награды. Вечно прикованный к отдельному малому обломку целого, человек сам становится обломком; слыша вечно однообразный шум колеса, которое он приводит в движение, человек не способен развить гармонию своего существа, и, вместо того чтобы выразить чело-

¹⁰ Михайлов А.В. Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1987. С. 8.

¹¹ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1967. С. 262.

вечность своей природы, он становится лишь отпечатком своего занятия, своей науки <...>¹².

Мы видим, что вся эпоха, оказавшая столь сильное влияние на молодого Достоевского, пропитана гностическим духом. Но в это же время становится актуальным гностицизм и как доктрина. Романтизм – это взгляд назад и вглубь. В этот период возрастает интерес к оккультизму и тайным знаниям. Зачастую проводником к этим знаниям становилось масонство, возникшее столетием ранее. Помимо этого о гностических сектах можно было узнать из обличительных трудов отцов Церкви.

Сформулировав для себя, пусть и довольно бегло, основные настроения и чувства, которые стоят за гностицизмом в то время, перейдем к анализу раннего творчества Достоевского и постараемся понять, каким образом и для чего гностические мотивы появляются в его произведениях. В своем исследовании мы будем обращаться к обоим аспектам гностицизма: особому мировосприятию и конкретной доктрине, так как считаем, что они оба нашли свое отражение в творчестве писателя.

Обратимся к письму 17-летнего Федора Достоевского к брату Михаилу, уже не раз цитированному Т.А. Касаткиной: «Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противозаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию. Мне кажется, мир принял значенье отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись в эту картину лицо, не разделяющее ни эффекта, ни мысли с целым, словом, совсем постороннее лицо... что ж выйдет? Картина испорчена и существовать не может!

Но видеть одну жесткую оболочку, под которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться с вечностию, знать и быть как последнее из созданий... ужасно! Как малодушен человек! Гамлет! Гамлет! Когда я вспомню эти бурные, дикие речи, в которых звучит стенанье оцепенелого мира, тогда ни грусть, ни ропот, ни укор не сжимают груди моей... Душа так подавлена горем, что боится понять его, чтоб не растерзать себя»¹³ (28, 50). Все, о чем говорит Достоевский в своем письме, является гностическим описанием устройства на-

¹² Шиллер Ф. Указ. соч. С. 265–266.

¹³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее том и страница указываются в тексте в скобках после цитаты.

шего мира. Так, человек оказывается слиянием земли и неба, то есть двух противоборствующих элементов. Сам же мир представляет собой испорченную картину, по своей же сути он – жесткая материальная оболочка, удерживающая в плену частицу Божества. Стоит отметить, что наш мир как бы ненастоящий по отношению к реальному миру, Плероме, он всего лишь его слабая пародия. В этом же письме Достоевский упоминает некое постороннее лицо, которое ничто не объединяет с нашим миром. Здесь следует сделать небольшое отступление и напомнить о том, что гностики разделяли всех людей на три типа: гилики, психики и пневматики. Первые – люди материи, в них нет ничего духовного, и после смерти они обратятся в прах. Вторые – душевные люди, они способны осознавать высокую духовность, но в них много и от материального мира, после смерти они вознесутся на небо к Демиургу, хозяину дольного мира. Третьи же – духовные люди, в них и содержится дыхание истинного Бога, они не связаны с миром материи и никогда не смогут соединиться с ним, именно эти люди особенно остро испытывают чувство расколотости и отчужденности. Таким образом, лицо, описываемое Достоевским, – пневматик, неспособный слиться с этим миром и осознающий его испорченность и уродство.

В этом письме мы можем увидеть, какие чувства испытывал и каким видел мир молодой Достоевский. Безусловно, эти настроения отразились и в его творчестве. И пусть письмо пропитано пессимизмом и ощущением безвыходности, но именно через гнозис Достоевскому удастся преодолеть ощущение безысходности. Рассмотрим, каким именно образом обращение к гностической философии помогло в этом писателю.

Описанное выше чувство отчужденности, несопричастности миру свойственно многим героям ранних произведений писателя. В достоевистике принято объединять их в тип, называемый «мечтателем», относя к нему практически всех, в том числе и Ордынова, героя повести «Хозяйка». Безусловно, в любом научном исследовании обойтись без объединения в категории, расширения понятий и т. д. практически невозможно. Но, проделывая это, важно помнить, что любое обобщение приводит к спрямлению многих нюансов, зачастую крайне важных для понимания смыслов, заложенных в произведение.

Рассмотрим, как такое объединение в один тип Ордынова и Мечтателя срезало принципиальное различие этих двух героев, заключающееся, если говорить языком гностицизма, в составе их личности, то есть в том, к чему они тяготеют: к материи или к духу – и, следовательно, в их позиции в мире.

Об обособленности Василия Ордынова, свойственной ему с раннего детства, известно с первых страниц повести: «Он вспомнил, что и всегда всем было как-то тяжело в его присутствии, что еще и в детстве все бежали его за его задумчивый, упорный характер, что тяжело, подавленно и неприметно другим проявлялось его сочувствие, которое было в нем, но в котором как-то никогда не было приметно нравственного равенства, что мучило его еще ребенком, когда он никак не походил на других детей, своих сверстников. Теперь он вспомнил и сообразил, что и всегда, во всякое время, все оставляли и обходили его» (1, 267). В этом описании легко опознается человек духовный, то есть пневматик, неспособный уравниваться с общей массой людей, и испытывающий к ним разве что сочувствие, которое только тяготит их. При таких вводных данных удивляться его стремлению к уединению не приходится. Однако Ордынов вынужден покинуть свой угол и столкнуться с внешним миром, с чего собственно и начинается повесть. Вот как Достоевский описывает этот мир, точнее людей, населяющих его, которых встречает герой во время своей первой прогулки после долгого «заточения»: «<...> вся эта мелочная жизнь и обыденная дребедень, так давно наскучившая деловому и занятому петербургскому человеку, бесплодно, но хлопотливо всю жизнь свою отыскивающему средств умириться, стихнуть и успокоиться где-нибудь в теплом гнезде, добытом трудом, потом и разными другими средствами, – вся эта пошлая проза и скука...» (1, 264). Достоевский показывает картину мира, занятого исключительно материальным обустройством своего пути в могилу. Причем в могилу как конечный пункт назначения. Ордынов же не сопричастен этому процессу, для него он оказывается «новостью». Он пневматик, для которого жизнь не заканчивается после умирания плоти. Достоевский наглядно демонстрирует это в сне Ордынова, где герой проходит череду перерождений. Подобная идея присутствует в гностическом учении Карпократа и его последователей, описанном Св. Иринеем Лионским в его труде «Против Ересей»: «И души до тех пор должны переходить из одних тел в другие, пока узнают всякий образ жизни и всякого рода действия... для того чтобы... их души... не нуждались более ни в чем... не пришлось опять быть посланными в тела»¹⁴. То есть душа вынуждена воплощаться в теле, хоть это и настоящее страдание для нее, до тех

¹⁴ Св. Иринея Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. 3-е изд., испр. СПб., 2017. С. 98.

пор, пока ни станет достаточно развитой, чтобы прекратить круговорот перерождений. Этот процесс описан в сне Ордынова следующим образом: «Порой, в минуту неясного сознания, мелькало в уме его, что он осужден жить в каком-то длинном, нескончаемом сне, полном странных, бесплодных тревог, борьбы и страданий. В ужасе он старался восстать против рокового фатализма, его гнетущего, и в минуту напряженной, самой отчаянной борьбы какая-то неведомая сила опять поражала его, и он слышал, чувствовал ясно, как он снова теряет память, как вновь непроходимая, бездонная темень разверзается перед ним и он бросается в нее с воплем тоски и отчаяния. Порой мелькали мгновения невыносимого, уничтожающего счастья, когда жизненность судорожно усиливается во всем составе человеческом, яснее прошедшее, звучит торжеством, весельем настоящий светлый миг и снится наяву неведомое грядущее; когда невыразимая надежда падает живительной росой на душу; когда хочешь вскрикнуть от восторга; когда чувствуешь, что немощна плоть пред таким гнетом впечатлений, что разрывается вся нить бытия, и когда вместе с тем поздравляешь всю жизнь свою с обновлением и воскресением. Порой он опять впадал в усыпление, и тогда все, что случилось с ним в последние дни, снова повторялось и смутным, мятежным роем проходило в уме его» (2, 277). Мы видим, как Ордынов многократно погружается во тьму как в нескончаемый сон (жизнь как сон, в котором человек, забывает о своем истинном доме, – один из центральных гностических мотивов; подробно он будет рассмотрен ниже). Этот мрачный сон сменяется светлым ощущением воскресения, когда душа покидает мир материи, но затем снова погружается в него. По идее Карпократа, души в тела, как в темницы, помещает ангел, пребывающий в материальном мире, называемый дьявол, и делает он это до тех пор, пока душа не очистится до такой степени, чтобы вознестись к истинному Богу. Именно эту картину и рисует перед читателем Достоевский: «То как будто наступали для него опять его нежные, безмятежно прошедшие годы первого детства <...> с роями светлых духов, вылетавших из-под каждого цветка <...> Но тут вдруг стало являться одно существо, которое смущало его каким-то недетским ужасом, которое вливало первый медленный яд горя и слез в его жизнь; он смутно чувствовал, как неведомый старик держит во власти своей все его грядущие годы, и, трепеща, не мог он отвести него глаз своих. Злой старик за ним следовал всюду <...> Потом малютка просыпался вдруг человеком;» (2, 278). Старик – это хозяин дольного мира, опять и опять

захватывающий душу в плен плоти¹⁵. Ордынов, будучи пневматиком, способен видеть реальную картину мира, а значит, должен представлять себе и пути выхода из плена материи, но что-то идет не так, и он, не-единородный этому миру, вынужден оказываться в нем снова и снова.

Теперь же обратимся к образу главного героя романа «Белые ночи» и посмотрим, в какой позиции по отношению к миру находится он, то есть какова его сущность и так ли она близка ордыновской. Мечтатель на первый взгляд так же изолирован от общества, как и Ордынов. Но суть этой изоляции совершенно иная. Герой «Белых ночей», как и Василий, запершийся в монастырь и как будто отрешившийся от света (2, 265), прячется от людей и от солнца в темном углу: «Мечтатель – если нужно его подробное определение – не человек, а, знаете, какое-то существо среднего рода. Селится он большею частию где-нибудь в неприступном углу, как будто таится в нем даже от дневного света, и уж если заберется к себе, то так и прирастет к своему углу...» (2, 112). Отрешенность от мира у Ордынова и Мечтателя выглядит схожей, но как разнятся пространства, от которых они отрешились. Вот как описывает недоступный для себя мир герой «Белых ночей»: «...видишь, как живут люди, – живут наяву, видишь, что жизнь для них не заказана, что их жизнь не разлетится, как сон, как видение, что их жизнь вечно обновляющаяся, вечно юная и ни один час ее непохож на другой...» (2, 118). Мир мечтателя конечен, он исчезает как сон, в отличие от другого реального, вечно юного и бесконечного бытия. Ордынов принадлежит по праву рождения этому прекрасному живому универсуму, в мир сна его стаскивает злой старик. Мечтатель же принадлежит материи, а духовный мир может только наблюдать. Это участь человека душевного. В гностической доктрине существует идея того, что душевный человек может посредством упорной работы над собой совершить переход в состояние человека духовного. Именно это и пытается осуществить герой романа.

Также в подтверждение принципиальной разницы между Ордыновым и мечтателем стоит обратить внимание на то, в чем состоит суть их отрешенности. Пространство мечтателя соткано из фантазий и грез,

¹⁵ В описании загадочного старика мы легко узнаем образ Мурина. Собственно, его имя, Илья Мурин, расшифровывается как «черный бог» (Илья (устар. Илия) от др.-евр Элияху – Яхве – Бог; Мурин – мавр от лат. *maurus*, на Руси так называли нечистую силу), что недвусмысленно отсылает нас к сатане, тому самому ангелу, направляющему душу в темницу плоти и удерживающему ее там.

призванных развлекать его, но в то же время застилать взор, погружать в сонную слепоту. В романе это довольно очевидный мотив, когда герой не помнит дороги, по которой шел, или не замечает ужин, который съел, так как находился в своих фантазиях. Не стоит приравнивать его грезы к сну Ордынова. Сон Василия как бы специально послан ему, чтобы открыть истинное положение вещей, это не порождение фантазии, а мучительная реальность. Собственно это важный мотив гностического мифа, когда во сне человеку приходит напоминание о его истинном происхождении. Таким образом, получается, что жизнь в материальном мире – это сон и забытие по отношению к верхнему реальному миру, а сон в мире материи как раз оказывается дверью в реальный мир. Более подробно об этом будет сказано ниже.

Но вернемся к тому, что же составляет суть отрешенности или, как ее называет Достоевский, исключительности Ордынова – это страсть: «С самого детства он жил исключительно; теперь эта исключительность определилась. Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытимая, истощающая всю жизнь человека и не выделяющая таким существам, как Ордынов, ни одного угла в сфере другой, практической, житейской деятельности» (1, 265). Страсть – очень важная тема в гностицизме. Именно благодаря ей началась цепочка событий, приведшая к созданию материального мира: «<...> Премудрость, и почувствовала страсть, не испытывала объятия своим супругом – Желанным <...> Страсть же состояла в желании исследовать отца; ибо Премудрость, как говорят, пожелала постигнуть его величие. Но она не смогла этого, потому что взялась за дело невозможное <...> Некоторые из валентиниан так баснословят о страстном увлечении Премудрости и ее обращении, что она предприняв дело не по силам и для нее необъятное, родила сущность безобразную <...>»¹⁶. Сущность без образа, упомянутая в цитате, впоследствии станет Ахамот, матерью Демииурга, создателя материального мира. Таким образом, мы видим, что страсть – это то, что разрушает целостность, вносит столь характерный для гностической философии элемент раскола, именно она на какое-то время нарушает целостность Плеромы.

Страсть – это желание обладания, стремление присвоить себе объект своего вожеления. Именно объект, ведь даже если страсть оказывается направлена на личность, она тут же объективирует ее. Потому что только объект можно присвоить, ведь у него есть четкая оболочка, он огра-

¹⁶ Св. Ириней Лионский. Указ. соч. С. 26.

ничен ею, в отличие от личности, у которой нет жестких границ. Личности можно попытаться стать сопричастным, то есть полюбить ее, но при любой попытке присвоить она неизбежно будет ограничиваться, то есть превращаться в объект. Наличие же границ приводит к разделению, то есть расколу, которым и характеризуется наш мир в гностической парадигме, созданный страстью.

Исходя из гностического мифа, может показаться, что страсть содержит в себе аспект творения. Безусловно, она актуализирует его, но творения, созданные страстью, неполноценны, это та самая испорченная картина, упомянутая Достоевским в письме к брату. Премудрость хотела сузить, а точнее ограничить, Бога до своего возможного объема познания, минуя все его аспекты. От этой страсти могло родиться только существо, которое впоследствии создаст мир ограничений, то есть плоти и тлена, а это совсем не то же самое, что сотворенная Богом Плерома.

Страсть Ордынова – наука. Он создает систему, которая оказывается нежизнеспособной и разваливается на его глазах. Ордынов пытался родить ее из себя самого, то есть заведомо ограничив возможностями своей личности, вместо того, чтобы бережно взглянуть в нее, соприкоснуться и дать ей право развернуться самой («Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами...» (1, 266)).

Теперь обратимся к еще одному очень важному мотиву раннего творчества Достоевского, присутствующему в большинстве текстов этого периода, – к мотиву смены квартиры. В «Бедных людях», в «Хозяйке», в «Униженных и оскорбленных»¹⁷, и даже в «Белых ночах» (пусть и не столь явно, но не менее значимо), он присутствует как отправная точка для развертывания дальнейших событий. Причем, что важно отметить, на смену старой квартире приходит всегда худшая, жить в которой практически невозможно. Т.А. Касаткина не раз в своих лекциях расшифровывала символическое значение «квартиры», «хозяйки» и «жильца», как тела, души и духа. Если рассматривать эту триаду через призму гнозиса, то духу (мужчине-герою) необходимо соединиться с душой (хозяйкой), находящейся в теле (квартире), чтобы раскрыться в своей полноте и за-

¹⁷ В список рассматриваемых произведений включен роман «Униженные и оскорбленные», хоть его и нельзя в полной мере отнести к раннему творчеству Достоевского. Но дело в том, что этот роман является как бы подведением итогов предыдущего этапа и включает в себя все его основные мотивы. И.И. Виноградов называл его «романом-завершением» целой традиции (*Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы*. М., 2005. С. 493).

тем вернуться к своему настоящему бытию в Плероме («<...> а духовное посылается для того, чтобы, соединившись здесь с душевным, получить образ и вместе с ним воспитываться во время жизни»¹⁸). Так как в гностицизме все телесное ассоциируется с оковами, смертью, тлением, то и квартиры, символизирующие телесный аспект, всегда соответствующие: черные, мрачные, душные. Правда, не стоит забывать, что без телесного воплощения у духа нет возможности вернуться в свой истинный дом. Таким образом, герои произведений, где важную роль играет мотив смены квартиры, символизируют собой дух, непосредственно связанный с Богом, ищущий тело и душу для соединения с ними. Достоевский как бы раздваивает историю героя: события, происходящие внутри его, одновременно символически воплощаются и вовне.

Посмотрим, как эта тема раскрывается в произведениях Достоевского. Конечно, наиболее отчетливо она звучит в «Хозяйке». Собственно, это первое, о чем мы читаем в повести: «Ордынов решил наконец переменить квартиру» (1, 264), а выбирал он: «...дом почернее, полуднее и *капитальнее*...» (1, 264). Что может быть удивительнее? Во-первых, повествование начинается не с обычной «прелюдии» рассказчика, а, так сказать, с места в карьер, причем карьер довольно странный. А во-вторых, зачем искать квартиру почернее? Но как только мы включим в сферу своей оперативной памяти знание о символическом значении квартиры, а также сон Ордынова, где вся жизнь его предстает как постоянное скитание-перерождение духа, то картина начнет проясняться. Его старая хозяйка по непонятным причинам исчезает, и духу, Ордынову, нужно новое пристанище. Идея поэтапного возвышения духа через перерождения или через непосредственную работу над собой присутствует в любой системе, призванной раскрыть заложенную потенцию и посредством этого возвысить человека. Поэтому начинать надо всегда снизу, там, где темнее и чернее, без этого невозможен путь наверх. Ордынов внутренне понимает это, формулируя свой запрос на квартиру. Правда деньги в залог он оставляет почему-то Шпису и Тинхен (от нем. *tünchen* белить) за их «светелку». Возможно, именно в этом и была его ошибка, он хотел перейти к следующему этапу, не пройдя предшествующий. Но судьба сама приводит его в нужное место – он оказывается в квартире Катерины и Мурина. Фамилия Мурин собственно и переводится как черный (мавр), а на первом этаже их подъезда живет гробовщик, что дополняет картину

¹⁸ Св. Ириней Лионский. Указ. соч. С. 39.

черноты как разложения и смертности. По заданию в этой квартире Ордынов должен был бы встретить душу и соединиться с ней. Образ души воплощен в Катерине, недаром именно это слово Достоевский настойчиво использует рядом с описанием своей героини. Но душа оказывается уже захвачена тем самым стариком, хозяином материального мира, в борьбе с которым Ордынов проигрывает.

Роман «Униженные и оскорбленные» начинается с той же темы смены квартиры – Иван целый день бродит по городу в ее поисках. Правда он-то хочет комнату побольше и посветлее, но находит совсем не то. После ряда мистических событий, связанных со стариком Смитом и его смертью, Ваня обретает квартиру: «Комната, впрочем, была большая, но такая низкая, закопченная, затхлая и так неприятно пустая, несмотря на кой-какую мебель» (3, 207). Многих удивляет выбор Ивана: так, Маслобоев отмечает: «Ну, брат, я ожидал, что ты живешь неказисто... но, право, не думал, что найду тебя в таком сундуке. Ведь это сундук, а не квартира. Ну, да это-то, положим, ничего, а главная беда в том, что тебя все эти посторонние хлопоты только отвлекают от работы» (3, 278). Но, несмотря ни на что, Иван остается в этой квартире. Ведь только в ней он может встретить Нелли, которая отдаст ему всю свою жизнь. Из пугающего «существа» она превратится в ангела, который спасет семью Ихменевых; но ни себя, ни Ивана спасти не сможет.

Возможность смены квартиры есть и у героя романа «Белые ночи», именно это предлагает ему Настенька, когда они решаются сойтись. Она узнает, что Мечтатель живет в хорошем, большом доме, но все же предлагает ему переехать к ней, в дом похуже: «Ах, знаю, хороший дом; только вы, знаете, бросьте его и переезжайте к нам поскорее...» (2, 138) и далее: «Так вот вы завтра и будете мой жилец...» (2, 138). Тема хозяйки и жильца проходит через весь роман, Мечтатель сторонится хозяйек, говорит о них с долей неприязни: «... я встречал двух-трех женщин, но какие они женщины? Это все такие хозяйки...» (2, 107). Мечтатель, как мы уже показали, не пневматик, то есть изначально обретение хозяйки не входит в сферу его интересов. Познакомившись с Настенькой, он совершает попытку перейти на уровень человека духовного, но переезду к ней так и не суждено случиться.

Вероятно, одна из основных причин неудачи героев в обретении хозяйек – это постоянная попытка перевести связь, которая по замыслу духовна, в страстный аспект плотской любви. Подробно тему духовной любви и страстной, уже затронутой нами выше, исследует Т.А. Касатки-

на в работе «“Другая” любовь в ранних произведениях Достоевского»¹⁹. Мы же остановимся на некоторых примерах, важных для рассматриваемых в статье сюжетов. Достоевский очень четко разграничивает страстную и духовную любовь, особенно их разница заметна при описании состояний героев, находящихся во власти в той или другой любви. Страсть всегда описывается Достоевским как помешательство, мука, а иногда и как смерть героя. Вот как Достоевский показывает состояние Мечтателя и Настеньки, решившихся сойтись вместе уже как пара: «Говоря это, мы ходили оба как будто в чаду, в тумане, как будто сами не знали, что с нами делается. То останавливались и долго разговаривали на одном месте, то опять пускались ходить и заходили бог знает куда, и опять смех, опять слезы <...>». Их состояние скорее похоже на помешательство. А вот как Достоевский говорит о героине, идущей на встречу с жильцом, в которого она влюблена: «...ни жива ни мертва, пошла в мезонин к нашему жильцу. Думаю, я шла целый час по лестнице. Когда же отворила к нему дверь, он так и вскрикнул, на меня глядя. Он думал, что я привидение <...>» (1, 203). Сцена вовсе не напоминает романтическое свидание, а скорее «хоррор». Абсолютно по-другому писатель рисует взаимодействие героев до их решения стать парой. Они говорят, как люди, знавшие друг друга всю жизнь, хотя только познакомились, они становятся практически одним целым – картина настоящего слияния: «Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять после такой долгой разлуки, – потому что я вас давно уже знал, Настенька, потому что я уже давно кого-то искал, а это знак, что я искал именно вас и что нам было суждено теперь свидеться, – теперь в моей голове открылись тысячи клапанов, и я должен пролиться рекою слов, не то я задохнусь» (1, 191). Им нечего делить, потому что они одно. Но как только возникает страсть, возникают границы и настоящее единство становится невозможно: «<...> как же мог я быть так слеп, когда все уже взято другим, все не мое» (1, 207). В этой работе мы не будем также подробно разбирать другие примеры, так как это напрямую не связано с нашей темой, но в основе каждого несостоявшегося духовного союза лежит страстная любовь, перерасти которую героям не удалось. Так, Ордынову не удается принять предложение Катерины быть ее братом, он хочет ее как «любю». Так и Наташа идет по зову страстной любви, разрушая этим все вокруг себя. В какой-то степени та же страсть встала на пути соединения Нелли и Ивана. Пример

¹⁹ Касаткина Т.А. Указ. соч. С. 131–141.

противостояния страстной любви и духовной, как противостояния ограниченности и свободы, можно найти практически в каждом произведении Достоевского.

Теперь же обратимся к уже не раз упомянутой теме сна. Жизнь как сон, от которого надо очнуться, чтобы вернуться в реальность, – мотив практически всех оккультных учений, гностицизм не исключение. Подробно этот аспект гнозиса раскрывают в своих работах Ганс Йонас²⁰ и Мирче Элиаде²¹. В этой парадигме мир материи, в котором оказывается дух, является, с одной стороны, для него тюрьмой, в которой тот испытывает чувство страха и отчужденности, но с другой стороны, мир погружает дух в сон, в котором тот забывает о своей истинной природе.

Мотив сна очень характерен для ранних произведений Достоевского. Так, эпиграф к первому роману писателя взят из произведения В.Ф. Одоевского «Живой мертвец». В этом небольшом рассказе повествуется о том, как некий Василий Кузьмич умирает и в виде призрака путешествует по своим знакомым, где ему открывается вся правда об истинном масштабе злодеяний, совершенных им при жизни. Кажется, он готов раскаяться, но тут оказывается, что Василий Кузьмич вовсе не умер, а это был всего лишь сон, который закончился, и он, проснувшись, продолжает свою жизнь без изменений. В этом небольшом рассказе описано именно то, о чем мы говорили раньше, что сон оказывается входом в реальность, в то время как жизнь является сном.

Достоевский часто строит свои тексты так, что читатель никогда не может быть до конца уверен, происходит действие наяву или в сне героя. Например, «Двойник»: «Минуты с две, впрочем, лежал он неподвижно на своей постели, как человек не вполне еще уверенный, проснулся ли он или все еще спит, наяву ли в действительности все, что около него теперь совершается, или – продолжение его беспорядочных сонных грез» (1, 190). Собственно, до самых последних строк этого таинственного произведения мы так и не можем понять: реальность перед нами или кошмарный сон.

Уже в упомянутой «Хозяйке» с Ордыновым в его болезни постоянно случаются видения, граница между ними и насущной реальностью практически невидима, но они, по своей сути, гораздо более реальны, чем повседневная жизнь.

²⁰ Йонас. Г. Указ. соч.

²¹ Элиаде М. Аспекты мифа / Пер с фр. В.П. Большакова. 5-е изд. М.: Академический проект, 2014. – 235 с.

Также тема сна широко представлена в повести «Слабое сердце», главный герой сам говорит о себе: «Я как будто из какого-то сна выхожу» (2, 37). Вася на протяжении всего повествования борется со сном, в конечном итоге его друг Аркадий тоже начинает путаться, спит Вася или нет: «Сон его был тревожен и странен. Ему все казалось, что он не спит и что Вася по-прежнему лежит на постели. Но странное дело! Ему казалось, что Вася притворяется...» (2, 43). В конце же произведения Вася оказывается полностью захвачен сном-бредом и сходит с ума – подвело его слабое сердце. Аркадий, напротив, прозревает за сонным туманом истинную реальность: «Казалось, наконец, что весь этот мир... походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет...» (2, 48).

Что уж говорить о мечтателе, который полностью отдался во власть сна и фантазий.

Задача духовного человека – очнуться ото сна и вспомнить о своем истинном происхождении. Собственно, эта идея и составляет стержень гностического мифа пробуждения ото сна как воспоминания о своей истинной природе. Этот гностический миф представлен в «Гимне о жемчужине», сохраненном в «Деяниях Фомы», где повествуется о том, как принц одной далекой страны был отправлен в Египет, чтобы добыть единственную в своем роде жемчужину, спрятанную посреди моря и охраняемую змеем. Но, опоенный жителями этой страны, он забывает о своем царственном происхождении и попадает к ним в плен. Родителям приходится напомнить ему о его истинном происхождении и о миссии в этом мире. Они пишут письмо, которое, как птица, спускается к его ногам и превращается в слово. От звука этого слова принц пробуждается, и память возвращается к нему. Наложив заклинания, принцу удается усыпить змея и достать жемчужину, после чего он благополучно возвращается домой. В этом гимне говорится о скитаниях духа, который, попадая в наш мир, забывает о своем божественном происхождении. Его задача – вспомнить, проснуться, стряхнуть с себя грезу этого мира и, соединившись с жемчужиной как символом души, вернуться в отчий дом. Собственно, это и есть задание в этом мире для пневматика, единственный путь преодолеть жесткую оболочку материи и соединиться со своим истинным бытием.

Достоевскому удастся распознать этот путь. Идея «Гимна о жемчужине» лежит в основе произведения «Маленький герой». После мучительных скитаний его героев во мраке мира материи один из них все же

побеждает оковы вещества и возвращается к своей изначальной природе. Рассмотрим, каким именно образом это происходит.

Итак, маленький герой оказывается без родителей в загородном доме своего родственника, где собралось довольно большое общество: «Было шумно и весело. Казалось, что это был праздник, который с тем и начался, чтобы никогда не кончиться <...> Поминутно наезжали новые гости <...> так что уезжавшие только уступали место другим, а праздник шел своим чередом» (2, 268). Автор рисует перед нами картину суетной жизни, где люди не важны, ведь они приходят и уходят, а механизм праздника, несмотря ни на что, продолжает крутиться. Именно как безучастный к судьбе каждого отдельного человека механизм, запускаемый Демиургом, представляли себе дольний мир гностики. Довольно отчетливо в образе Демиурга предстает сам хозяин дачи, этого небольшого мирка, где и разворачиваются события произведения. Как хозяин плоти, кем и является Демиург, он опознается через свое владение необъезженным конем Танкредом, с которым связан один из центральных эпизодов произведения. Конь – символ плоти, который не раз использовал Достоевский в своем творчестве, о чем подробно рассказывает Т.А. Касаткина в своей статье «Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”»²², а о том, как этот символ раскрывается в «Маленьком герое», показано в статье «Маленький герой: воспоминание как путь к прозрению собственной природы»²³. Таким образом, мальчик оказывается отосланным родителями в дольний мир во власть Демиурга. При этом он ощущает свою неспособность самоидентифицироваться с этим миром: «Скоро среди вихря, меня окружавшего, почувствовал я какое-то одиночество <...> Конечно, ничего бы и не случилось со мною, если б я не был в исключительном положении» (2, 269). Исключительность, та же, что и у Ордынова, – это выключенность из мира материи, несопричастность ему, влекущая за собой одиночество, как это и обозначает маленький герой. Но благодаря своей исключительности он единственный, кто может вернуться к сво-

²² Касаткина Т.А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы, 2003. С. 176–208.

²³ Магарил-Ильяева Т.Г. Маленький герой: воспоминание как путь к прозрению собственной природы // Сборник материалов конференции «Достоевский и современность» (в печати).

ей изначальной божественной природе. Именно поэтому мальчик и говорит, что все, что с ним случилось, случилось только из-за его исключительного положения.

Практически первое, что сообщает о себе рассказчик, – это то, что на момент начала истории он находился в каком-то странном, тягостном состоянии, что он постоянно старался «что-то припомнить, что-то такое, что до сих пор хорошо помнил и про что теперь вдруг позабыл, но без чего, однако ж, <...> никуда нельзя показаться и никак нельзя быть» (2, 269). Мы видим традиционную для гностического мифа тему забвения. Достоевский прямым текстом указывает нам, что это, нечто забытое, когда-то было хорошо известно герою и что теперь его задача – вспомнить. Все произведение оказывается описанием пути маленького героя к его воспоминанию. И в самом конце мы читаем, как герой: «<...> отдался первому сознанию и откровению сердца, первому, еще неясному прозрению своей природы <...>» (2, 295). Ему удается вспомнить свою царственную, божественную природу. Происходит это после того, как он спасает m-me M*, являющуюся в этом произведении символом победы духа над плотью²⁴. Спасает он ее действительно буквально от смерти в этом мире. Ведь если бы кто-то из гостей, живущих в тот момент на даче, обнаружил потерянное m-me M* письмо Н-го, то ее жизнь в свете действительно была бы кончена. То, что может показаться обычной светской сплетней, Достоевский переводит на символический уровень, на котором это событие приобретает глубину и становится реальной угрозой жизни, о чем и рассуждает маленький герой: «<...> внезапное обнаружение тайны было бы ужасом, громовым ударом в ее жизни <...> Какая казнь ужасней той, которая ее ожидает?» (2, 291). А когда после бесплодных поисков письма m-me M* опускается на скамейку, рассказчик прямо называет ее мертвецом. Но маленький герой спасает ее, возвращая письмо, и таким образом возрождает ее к жизни, а за счет этого возрождается сам. Для сгущения гностического элемента Достоевский рисует мальчика, притворяющимся спящим. То есть таким, какими мы и пребываем в этом мире. Маленький герой, сделав все для спасения m-me M*, ложится и закрывает глаза, отдав ей в руки все нити ее спасения. Ведь нельзя спасти кого-то насильно, человек должен сделать ответный жест спасителю. И когда происходит ее возрождение, она пробуждает и его своим

²⁴ См. об этом в моей статье «Маленький герой: воспоминание как путь к прозрению собственной природы» (в печати).

поцелуем, маленький герой открывает глаза прозревшим, вспомнившим свою истинную царственную природу.

Достоевский проделывает этот путь обращения к своей истинной природе вместе с маленьким героем. Ведь создает он это произведение, будучи заключенным Петропавловской крепости, но при этом много позже в беседе с Вс. С. Соловьевом он вспоминает о спокойствии того периода, а «Маленький герой» оказывается средством успокоения²⁵. И это не просто слова, все произведение и есть рассказ о средстве для успокоения духа, то есть о возвращении к его подлинному бытию. Теперь мы можем увидеть, какой путь проделал Достоевский от письма, написанного в 17 лет, полного отчаянья и безысходности, до обретения своей истинной природы, а ведь это всего лишь самое начало его творческого пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви I – II. Введение в церковную историю. История Церкви в период до Константина Великого. 2-е изд. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. – 576 с.
2. *Виноградов И.И.* Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь 2005. – 672 с.
3. *Давыдов А.П.* Гнозис как «чистое знание» о потустороннем и российская культура (Размышления по прочтении книги И. Яковенко и А. Музыкантского) // *Общественные науки и современность.* № 2. 2013. С. 85–95.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. *Евлампиев И.И.* Ф. Достоевский и гностическая религиозность русской философии // *Вестник Русской гуманитарной академии.* Т. 9. № 2. СПб., 2008. С. 115–124.
6. *Йонас. Г.* Гностицизм (Гностическая религия). Jonas H. The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity: Boston: Beacon Press, 1958. СПб.: Лань, 1998. Терминологическая правка В. Данченко. К.: PSYLIB, 2007. Режим доступа <http://psylib.org.ua/books/jonas01/index.htm>.

²⁵ Вс. С. Соловьев упоминает в своих воспоминаниях об одной беседе с Ф.М. Достоевским: «Когда я очутился в крепости, я думал, что тут мне и конец, думал, что трех дней не выдержу, и – вдруг совсем успокоился. Ведь я там что делал?.. я писал “Маленького героя” – прочтите, разве в нем видно озлобление, муки? Мне снились тихие, хорошие добрые сны». Цит. по: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. С. 506.

7. *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 480 с.
8. *Касаткина Т.А.* Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Вопросы литературы, 2003 г. Режим доступа к журн. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/1/kasatk.html>
9. *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 528 с. + 1 вкл.
10. *Мещерская Е.* Апокрифические деяния Апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М.: Присцельс, 1997. – 455 с.
11. *Михайлов А.В.* Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1987. – 736 с.
12. *Одоевский В.Ф.* Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1959. Примечания Е.Ю. Хин. No «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2006. <http://imwerden.de> Режим доступа к журн. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_/text_0460.shtml.
13. *Св. Ириней Лионский.* Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Св. Ириней Лионский; [пер. с греч. и лат. Протоирей П.П. Преображенский, пер. с нем. Проф Н.И. Сагарды]. 3-е изд., испр. СПб: Издательство Олега Альбышко: Пальмира, 2017. – 638 с.
14. *Тихомиров Б.Н.* Христос и истина в Поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» // Достоевский и мировая культура. Вып. 13. СПб., 1999. С. 147–177.
15. *Хеллер С.* Гностицизм. М.: Касталия, 2013. – 274 с.
16. *Шиллер Ф.* Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1967.
17. *Элиаде М.* Аспекты Мифа. / Пер с фр. В.П. Большакова. 5-е изд. М.: Академический проект. 2014. – 235 с.
18. *Яковенко И.Г. Музыкантский А.И.* Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь. 2010. – 320 с.